

И ВСЕ-ТАКИ — КОМЕДИЯ!

На экраны вышло два фильма с участием заслуженного артиста РСФСР Анатолия Дмитриевича Папанова. В «Живых и мертвых» он играет Серпилина. Эта сложная роль по-настоящему драматична. В комедии «Дайте жалобную книгу» А. Папанов создает образ совсем иного плана, в иной актерской манере — сатирически заостренно, метко, зло.

В нашу редакцию приходят письма, в которых читатели интересуются: «Что это, актерская «всеядность» или широта творческого диапазона артиста?».

С этим вопросом мы и обратились к А. Д. Папанову.



ПРИНЯТО считать, что строгое деление актеров на ампула давным-давно устарело. Но на практике все обстоит иначе, особенно если дело касается кинематографа.

Обычно режиссеры приглашают актера на роль по уже привычным, устоявшимся представлениям о его возможностях. Так долгие годы было и со мной: я получал только комедийные роли, которые с удивительным постоянством повторялись в своем общем рисунке.

По каким-то неписанным законам комедийный характер в кинематографе несложен и прямолинеен. Прочтешь очередной сценарий и думаешь: «Ну почему же твой будущий герой такой плоский, такой недостоверный? Пусть он отрицательный, но ведь он человек, у него должны быть свои привязанности и антипатии, он чем-то увлекается, что-то ненавидит. Не в пустоте же он живет, а среди людей». Нелегко нам, актерам, иметь дело с таким «материалом». Как углубить, как очеловечить комедийный характер, построенный авторами по раз и навсегда негласно утвержденной схеме? И здесь большое слово за нашим зрителем. Да, да, я не оговорился. Поверхностные, примитивные роли, рассчитанные на нетребовательный вкус, теперь все чаще отвергаются не только актерами, но и зрителями. Может быть, хоть это заставит серьезно задуматься авторов.

Так что же это за жанр — комедийный, который кажется простым, а найти к нему верный ключик так трудно?

Мне кажется, за последние годы Театр сатиры, в котором я работаю, расширил и углубил понимание этого жанра. На нашей сцене не была возрождена драматургия Маяковского — «Мистерия-буфф», «Баня», «Клоп», поставлена драматическая сатира Назыма Хикме-

та «Дамоклов меч», психологическая «фантазия в русском стиле...» Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца», инсценировка по тонкой ироничной повести Сэлнджера «Над пропастью во ржи». При этом не забыты и водевилы, и легкая комедия, и эксцентриада. Стало ясно, как безграничны владения жанра, какую радость дает артисту встреча с подлинной драматургией.

По моему глубочайшему убеждению, сатира где-то в своем высшем проявлении смыкается с драмой, если хотите — даже с трагедией. Да и может ли быть иначе! Ведь сатира — это прежде всего резкое обличение, гневное осмеяние отрицательных сторон действительности, общественных пороков. Это не просто: смеяться, расставаться с прошлым — укладом жизни, привычками, традициями.

Все это говорится к тому, что артист театра, хочет он того или нет, приносит на экран не только свою актерскую индивидуальность, но и методы, стилистику своего театра (если таковая, конечно, имеется). Я полагаю, что сцена — подлинная стартовая площадка для взлета кинематографических звезд. Артисту необходим ежедневный тренинг, ежедневное общение с партнером, ощущение дыхания зрительного зала.

Мне посчастливилось в пьесах Владимира Маяковского, поставленных на сцене нашего театра, сыграть несколько ролей. Некоторые из них были совсем маленькими. В роли, например, шафера в «Клопе» всего несколько реплик. Но каждая из них, как боек на реке, — ориентир на глубину характера. За скупыми репликами, полными яростной энергии и сарказма, точными и острыми, я чувствую ясную графику характера во всей его неповторимости и своеобразии. Сыграв Маяковского на сцене, почувствовав его обличительный па-

фос, его ненависть ко всякой дряни, ощутив музыку его чеканного стиха, с иными мерками подходишь ко всему, с чем приходится затем сталкиваться в работе. Маяковский стал для нас, актеров, подлинной школой гражданственности.

Может быть, это покажется парадоксальным, но в создании образа генерала Серпилина в фильме «Живые и мертвые» мне помог и многолетний «сатирический» опыт работы в театре. Советская сатира, беспощадно отрицая все, что мешает нашему обществу развиваться, утверждает ту же веру, за которую воевал Серпилин, помогает увидеть корни зла, тащисяся в жизни, и разоблачить их.

Судьба военачальника Серпилина вобрала в себя судьбы многих людей его поколения. Выразить эту общность — какая благородная для артиста задача! Крупный и суровый характер Серпилина, человека, озаренного верой, от которой он нигде и ни при каких обстоятельствах не отступает, выпитан емко, сжато, мужественно. Это требовало, как мне казалось, скупых актерских средств. Палитра артиста Театра сатиры немилыми без скупости, самоограничения в отборе выразительных средств. Именно в этом театре особенно важно не преступить грань того «чуть-чуть», которое отличает подлинное искусство. Вот так столкнулись и взаимно проникли, казалось бы, далекие по стилистике и жанру вещи.

Совсем иные краски, иные выразительные средства потребовались мне для работы в идущей сейчас на экране кинокомедии «Дайте жалобную книгу». Привычное в сатирическом театре нужно было отбросить, так как привычное грозило обернуться штампом. Роль у меня здесь небольшая. Не мне судить, удалась ли она, как и весь фильм в целом, но мы говорим сейчас не о результатах, а о процессе работы. Сниматься в этой комедии было интересно, и не только потому, что между исполнителями (а здесь собралось целое созвездие талантливых актеров) шло как бы негласное соревнование. Нам, его участникам, казалось, что комедия бьет по равнодушию, этой страшной болезни, разъедающей души.

Каждая новая роль для арти-

ста — «езда в неизвестное». Конечно, не следует обольщаться и думать, что возможностям нет границ. Но беда, когда режиссер постоянно использует лишь какие-то определенные грани актерского дарования, какие-то привычные краски. Это обкрадывает, обедняет артиста, да и режиссеру не приносит большой творческой радости. Какая уж тут радость — идти проторенной дорогой! Ведь искусство — это открытие. И, как всякое открытие, дается нелегко.

Браться за роль, казалось бы, противоположанную тебе, мучительно трудно. Счастье, когда на помощь приходит режиссер, который верит в твои творческие возможности. Мне повезло. Я говорю о встрече с режиссером А. Столпером в фильме «Живые и мертвые», с Вл. Плучеком, который сейчас доверил мне главную роль в готовящемся спектакле «Василий Теркин на том свете», с режиссером В. Прониным в фильме «Наш дом».

Об этом фильме особо. Его видели пока немногие. Он только выходит на экраны. Мне, играющему Отца, фильм дорог человеческим теплом, близостью к живому и доброму миру самой обычной рабочей семьи. Роль Отца — слав индивидуальных черт, тонких настроений. Серьезная и глубокая, она как бы изнутри освещена тем мягким юмором, который обычно свойствен цельным и крепким русским натурам. Смех и слезы здесь соседствуют, тревога, боль, радость тесно соприкасаются, за, казалось бы, поверхностным ходом событий проглядывает сущность явления, за обыденными поступками — правда характера, рожденного жизнью. Потому и волнуют современников проблемы, затронутые в фильме.

Сейчас я снимаюсь в картине «Дети Дон-Кихота». Это рассказ о благородном человеке, несправедливо мечтателе и чудеке. С такими радостно встречаться и в жизни, и в искусстве.

А закончить хочется вот чем. Если говорить откровенно, я часто грущу о большой, настоящей остро сатирической современной комедии. И убежден, что каждый актер, причастный к нашему сатирическому цеху, разделит со мной эту грусть.

СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ
Г. МОСКВА